

Алексей Мельников

12+

Беседы о науке

Штрихи к портретам выдающихся ученых

Алексей Мельников

Беседы о науке

«Автор»

2021

Мельников А.

Беседы о науке / А. Мельников — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-95389-5

Штрихи к портретам известных отечественных и зарубежных деятелей науки: академиков - Г. Марчука, Л. Окуня, Ж. Алферова, А.Сахарова, С.Вавилова, Ф.Мартенса, О.Шмидта, А. Лейпунского, Л.Канторовича, В.Кирюхина, А.Мигдала, С.Кишкина, А. Берга, философов - Н.Федорова, А. Богданова (Малиновского), Ф.Энгельса, А. Пятигорского, М.Хайдеггера, М. Мамардашвили, В.Катагощина, выдающихся ученых и конструкторов - П.Чебышёва, К. Циолковского, С.Мальцова, М. Бронштейна, Н.Бора, Д.Иваненко, А.Хинчина, Г.Вульфа, А.Чижевского, С. Лавочкина, Г.Гамова, Б. Дубовского, Г.Бабакина, Я.Чохральского, В.Феодосьева, И. Бондаренко, В. Малых, А. Дерягина, О. Верходанова, О.Казачковского, Н.Попова, В.Федорова, Б. Штерна.

ISBN 978-5-532-95389-5

© Мельников А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Академик Гурий Марчук	5
Математик Пафнутий Чебышёв	9
Философ Фридрих Энгельс	11
Машиностроитель и заводчик Сергей Мальцов	15
Авиаконструктор Семен Лавочкин	19
Математик Александр Хинчин	22
Юрист-международник Фёдор Мартенс	29
Академик Жорес Алферов	35
Астрофизик Матвей Бронштейн	39
Музеолог и искусствовед Наталья Грамолина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Мельников

Беседы о науке

Академик Гурий Марчук

Позвонили из Обнинска и сказали: «Завтра к нам приезжает академик Марчук. Есть возможность побеседовать...» Для неизбалованного вниманием академиков провинциального еженедельника такая встреча – редкая удача. На следующее утро я уже ждал у проходной ФЭИ. Гурий Иванович встретил доброй улыбкой. Обнинский Физико-энергетический институт стал когда-то стартовой площадкой будущего президента Академии наук СССР.

– Гурий Иванович, самый первый вопрос: как вы, собственно, попали в Обнинск?

– Я, Субботин и Давыдов с Украины были сюда командированы приказом Совета Министров, подписанным лично Сталиным. Вот такое придавалось значение атомному проекту. Это был 1953 год. Именно тогда я пришел в Обнинский ФЭИ. Приказ Сталина был. Правда, подписан в 52-м. Я думаю, что это было одно из последних его постановлений.

– Почему именно вас? Вам что, предлагали какой-нибудь выбор?

– Никакого выбора, что вы! Приехал человек на черном таком лимузине. ЗИМ, кажется, назывался. Правительственная машина. Так вот, подъехала она к институту, где я только что закончил аспирантуру. Это был Геофизический институт Академии наук. Я, правда, заканчивал Ленинградский университет, но нас, аспирантов, человек сто взяли из Ленинграда в Москву. Для поддержки Академии наук, которая во время войны потеряла много своих сотрудников. Ну вот, работаю спокойно, и вдруг приезжает машина. Приходит человек и спрашивает: «Где здесь Марчук?» Говорят: «Вот в такой-то комнате». Заходит: «Товарищ Марчук – вы?» Я говорю: «Ну, я». А он: «Пройдемте». – «Куда?» – «Сейчас увидите». Выходим. Он говорит: «Садитесь в машину». Я спрашиваю: «Куда ж мы едем?» Он невозмутимо: «Узнаете».

– Вот так ничего и не говоря?..

– Вот именно! Год-то какой был, вспомните! Едем, значит. Сначала – до Подольска. Дорог-то хороших не было. Где-то крутились. Мимо дачи Морозовой. Тут встали – 105-й километр, значит. Проволока. Одну проехали. Вторую. Перед третьей остановились. Мой провожатый и говорит: «Пойдемте в административный корпус». Заходим. А там такой небольшой человечек. Протягивает руку: «Захаров». Ну, Захаров так Захаров. Форма не военная, обычная. «Вот, товарищ Марчук, будете работать здесь». Прямо вот так – с места и в карьер. «А если не буду?» – пробую сопротивляться. «А все равно отсюда не выйдете».

– Оказывается, все просто...

– Даже слишком... В общем вижу: дело трудное. Спрашиваю: «Но хотя бы наука тут у вас имеется?» «Да, – говорит, – целый институт научный». «Ну а фамилии хоть какие-нибудь назовете? Я почти всех ученых знаю». Он говорит: «Блохинцева знаете? Это директор института». А-а-а, ну все понятно, куда я попал. Я сдавал квантовую механику по книжке Блохинцева. И понял, что попал в атомный проект.

– То есть вы серьезно не знали, куда едете?

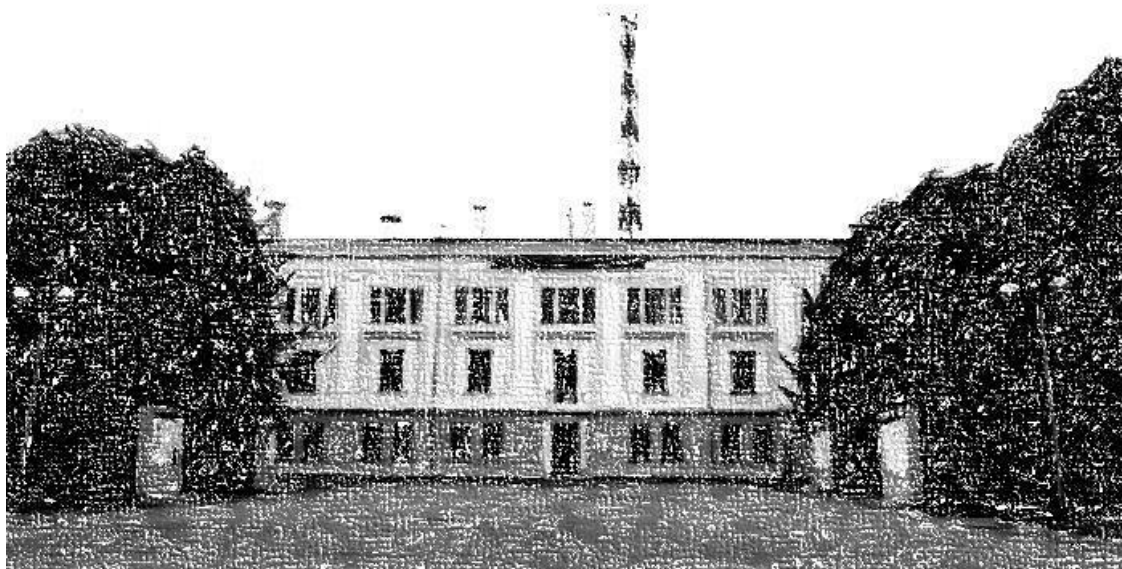
– Нет же, говорю. Абсолютно не знал. Да куда бы меня тогда ни привезли, все было бы то же самое. Институт курировался Захаровым. Кстати, очень приличный человек был. Хотя и от Берии. Вот он и надзирал за нами. Постепенно выяснилось, что я в общем-то в хорошем коллективе оказался. Сам Блохинцев – очень интеллигентный человек, большой ученый. С ним работало человек двадцать, которых он выбрал сам. Потом подобрал и нас – молодежь. Как он нас вычислил, я, честно говоря, не знаю...

– Лично по указанию Блохинцева отбирали?

– Конечно, при его участии. Короче, за 9 лет я сделал хороший отдел. Людей выбирал поштучно. У нас было такое право: приезжать в любой университет и брать, кого хочешь. Мы отобрали самых лучших людей с физического факультета МГУ, из МИФИ, из энергетического института. Так создали прекрасную математическую школу. К сожалению, сейчас ее уже не стало. По разным причинам. И директора часто менялись. И интерес к тематике как-то поугас. Но тем не менее мы дело свое сделали. Часто бывал здесь Курчатов. А Славский – наш будущий министр – так здесь прямо в Обнинске и жил, когда мы заканчивали первую атомную. Потом, когда его повысили, у меня появился первый друг министр. Он же позже, кстати, и Новосибирский Академгородок возводил. Если бы не Славский, скажу я вам, строительство

затянулось бы лет на десять. А этот постоянно на ногах: Обнинск, Новосибирск, Шевченко, Глазов, Белоярск...

– И чем тогда занимались математики в ФЭИ?

– По большому счету одним важным делом – создавали математический аппарат для реализации тех идей, что выдвинул наш научный руководитель Александр Ильич Лейпунский. Это – быстрые реакторы, которые были реализованы от самых маленьких, 5 кВт, до больших – в Белоярске. Затем – промежуточные реакторы. Те пошли на подводные лодки. Ими я тоже вплотную занимался. Лейпунский был настоящий научный талант. Мы его чрезвычайно чтили. Он давал свободу. Главным образом – свободу мысли.

Александр Ильич всегда с интересом слушал другие мнения. Сам прекрасно знал английский – недаром ведь у Резерфорда работал в Кембридже. Получал все американские и английские журналы. Был в курсе всего, что делается там по ядерной тематике. Поэтому ФЭИ по многим научным вопросам всегда шел чуть-чуть впереди остальных. В итоге я написал книгу «Методы расчетов ядерных реакторов». Потом – вторую. Она немедленно была переведена в США и Китае. Через полмесяца после издания – это удивительно...

– Математика ядерных реакторов, стало быть, в Обнинске вас захватила полностью?

– Нет, потом произошел небольшой зигзаг. Вызывает Курчатов – меня вызывает, Дубовского, Харитона, Бочвара. Едем в его институт, где он нам и говорит: «Друзья, бросайте вы свою ядерную науку. Более важно сейчас – ядерная безопасность». Нужны были расчеты по безопасности всех реакторов: такой-то вид реакции, такой-то замедлитель и т.д. И мы засели за это дело. В ноябре 1961 года на коллегии министерства Курчатов докладывает: задание по ядерной безопасности выполнено. Мы этим очень гордились. По-моему, это было последнее задание, в котором он принимал участие. Через неделю Игорь Васильевич умер...

– Великие имена: Курчатов, Славский, Лейпунский...

– Я много проработал с Александром Ильичом. Он был моим оппонентом по докторской диссертации. Создал два мощнейших научных направления: энергетические реакторы на быстрых нейтронах и промежуточные для подводных лодок. Конечно, большой вклад внес и в космическую тематику, и в физику твердого тела. Однако главная заслуга Лейпунского в том, что сумел сколотить в ФЭИ научный коллектив, выполнивший все эти задачи.

– Что это был за человек?

– Уникальный. Ведь вы знаете, что его жена, директор математического института на Украине, не захотела с ним ехать в Обнинск. И он жил тут один. Жил и работал. И много, скажу я вам, работал. Москва – Обнинск, Обнинск – Москва. Министерства, смежники, КБ, институты. И, конечно, наука. Короче, заработал первый инфаркт. Слег. Вновь учился ходить. Сначала по 5 шажочков в день, потом – по 10, после уже – по 100. До Белкина стал постепенно прохаживаться – в общем, вернулся в строй. Но через два года – второй инфаркт. И то же самое: постель, первые шаги после болезни, рабочий кабинет. После третьего инфаркта мы уже Александра Ильича потеряли.

– Гурий Иванович, давайте из Обнинска сразу же перенесемся в Москву, в Академию наук. Как вы стали ее президентом?

– Меня пригласил Горбачев. Говорит: «Будешь президентом академии?» А я так довольно смело отвечаю: «А что – буду». У меня ведь уже был за плечами опыт руководства Сибирским отделением. 100 академиков как никак и членкоров. Так с 1986-го по 1992-й я у руля и стоял.

– Что сложнее оказалось: заниматься наукой или ею руководить?

– Честно скажу, что более мучительного периода, чем тот, когда я был зампреда Совмина, а я в 80-е занимал еще и эту должность, в моей жизни не было. Ни сна, ни покоя. Ни выходных, ни праздников. В руках у меня были сконцентрированы тогда колоссальные средства – до 6 процентов всего советского ВВП. Именно столько государство выделяло на науку. Один президентский фонд, из которого я мог лично выделять средства на те или иные научно-технические направления, доходил до 200 млн. долларов.

– Спору нет, у советской науки тогда был хороший финансовый задел. А вот у главы этой науки? Вам лично в те времена удалось разбогатеть?

– Безусловно. Значит так: три сына, и все трое – доктора наук. Семья 18 человек – каково, а?.. Конечно, богатый. Деньги? А что деньги – они приходят и уходят. Тут мне, честно говоря, похвастаться нечем. Да и не из-за них, в конце концов, мы работали...

Математик Пафнутий Чебышёв

Одна из самых малых и неприметных калужских улиц носит имя одного из самых великих уроженцев ее земли – Пафнутия Львовича Чебышева. На ней пять домов. Есть, правда, улица и короче – с одним домом. Но она имени человека и вовсе в Калуге не бывавшего – Михаила Ломоносова. Академическая наука в городской топонимике отражается весьма прихотливо. Да и не только в ней. Так повелось. Почему – бог ведаёт...

Россия – страна по большей части гуманитарная. Страна Толстого, Достоевского, Чехова. Страна святых отцов, высоких колоколен, вишнёвых садов и дворянских усадеб. Страна высоких, но весьма отвлеченных идей, предпочитающая кропотливому поиску эффективных решений громкие результаты за любой, подчас даже самый разорительный счёт.

Страна романтическая. Конкретно думать для нее – редко встречающаяся черта. От этого или нет, но склонность к строгим дисциплинам у нас долго не приветствовалась. Посему великие математики с эпитетом «русский» в прежние времена встречались редко. Первый из них, пожалуй, Пафнутий Львович Чебышев. Основоположник, классик, академик – российский и ещё порядка двадцати, а может, более иностранных академий наук.

Образованное русское провинциальное семейство. Патриотическое и набожное. Небольшие поместья в Тульских, Елецких, Калужских весях. Дом на Пречистенке. Одного из пяти сыновей матушка называет в честь святого Пафнутия Боровского – монастырь во имя оногo как раз поблизости от родового имения Окатово.

Начальное образование – исключительно домашнее. Далее – частные уроки у лучших московских педагогов. Мальчик сосредоточен, умён, усидчив. Детским забавам и играм предпочитает книжки с логарифмами. Частью тому способствовал малый недуг – лёгкая хромота.

Пришло увлечение конструированием. И надо же – самоходящих машин. Да так прикипает Пафнутий к механическим игрушкам, что не может оставить это «хобби» до самых последних дней. Математика и механика захватывают Чебышева целиком. Сначала – в Московском, затем – в Санкт-Петербургском университетах.

Уже будучи известным ученым, отправившись в поездку по Европе, не может ни на что другое смотреть, кроме как на всевозможные механизмы. Берлин, Париж, волшебные по красоте города, дворцы и замки – всего этого будто не видит молодой русской профессор. Внимание его поглощено то ветряными мельницами, хитрые расчеты наиболее эффективного угла наклона лопастей которых не дают покоя Чебышеву, то паровые машины, то льнопрядильные. Вместо музеев и парков – литейные и механические цеха французских и немецких заводов. Плюс, естественно, бесконечные диспуты со звездами европейской математики. Те быстро принимают русского гения в свой круг...

Не скажешь, что он был отрешенным. Отвлеченным от скудных мирских забот. Витающим где-то в математических облаках. Вполне даже очень земной. Внешне сдержанный.

Романтик?.. Отнюдь. Десятилетия преподавания в одном и том же университете – можно сказать, рутина. Иные подтвердят: четкие до автоматизма лекции с полными выкладками, без лишней риторики и ни секунды лишней после звонка. Да, отличался бережливостью. Наверное, потому, что без семьи. Ещё – достатком. Любил скупать имения. И – дарить их сестрам, братьям. Последним щедрым подарком им от Пафнутия стало его 600-тысячное наследство...

Говорят, что настоящее бессмертие к ученому приходит тогда, когда выведенные им формулы начинают наносить на футболки и майки ... Когда его имя присутствует в параграфах школьных учебников ... Когда на заложенном им научном фундаменте строятся научные школы ... Когда его именем называют улицы – даже такие маленькие, как в Калуге.

Пафнутий Львович Чебышев достиг такого бессмертия. Его изыскания в теории чисел, в теории вероятности, в механике, наконец, достижения в педагогике обессмертили это имя. И – поставили Россию в число великих математических держав.

Философ Фридрих Энгельс

Он всегда казался большим, угрюмым и надменным. Эта гигантская дворницкая борода, никак не гармонирующая с осанкой и дорогого сукна костюмом аристократа. Этот назидательный взгляд, казалось, до костей прохватывающий всякого усомнившегося в святости задуманного им коммунизма. Эти намозолившие глаза портреты на пару с другим не менее могучим бородачом – Марксом. Реже – в тройственной компании с обладателем куда менее внушительной бороды, но гораздо более выразительной лысины – Владимиром Ильичом.

Трое великих бородатых более века царили в умах сотен миллионов людей. Размножились в сотнях памятников. В тысячах барельефов и картин. В миллионных тиражах коммунистических манифестов. Постепенно превратились из живых людей в идолов. Из них – в богов. Из тех – в иконы, пред которыми неугасимо теплились лампы мировой революции во имя воцарения двигателя (как считала могучая троица) мировой гармонии – диктатуры пролетариата...

Так, собственно, по вполне банальной схеме полностью вымораживается и цементируется интеллектуальный пульс эпохи. Упрощается, подчас до примитивизма, взгляд на довольно неординарные исторические личности этих самых эпох. Короче, теряется след необычайно интересных людей: живых, талантливых, противоречивых, изобретательных, романтических, одаренных до гениальности, гениальных до вполне житейской обыденности...

Приходилось ли вам интересоваться, какова, например, ширина реки Везере в окрестностях Бремена? Так вот: порядка двухсот метров. Соавтор «Коммунистического манифеста», великий теоретик и непререкаемый вождь Фридрих Энгельс, будучи неслабым 19-летним юношей, одним махом одолевал эту реку четыре раза подряд. О чем с гордостью сообщал в письме своей любимой младшей сестре Марии. Или – враз снаряжался в зимний конькобежный марфон по льду реки, километров этак на полста – так сказать, развеяться. А то – чуть не ежедневное оттачивание техники рапирного боя. Дабы рука не дрябла в сражениях. А как без них, без сражений?.. Следом – армия с карьерным взлетом – аж до бомбардира. Настоящий военный профессионал. И вообще он был чертовски крепкий, спортивный и отчаянный в молодые-то свои годы, этот Энгельс. Как, впрочем, и в почтенные не умел себе отказать в полюбившихся с юных лет лихих спортивно-охотничьих забавах. Да только ли в них?..

«Лучшее, что здесь имеется, – продолжал делиться с сестрой практикующийся в Бремене в азах большой коммерции старший брат, – это множество газет – голландские, английские, американские, французские, немецкие, турецкие и японские. Пользуясь случаем, я изучил турецкий и японский языки и, таким образом, знаю теперь двадцать пять языков». Одно из писем школьному другу Вильгельму Греберу от нечего делать пишет на семи языках. Давая одновременно краткие характеристики каждому из них: «Так как я пишу многоязычное письмо, то теперь я перейду на английский язык, – или нет, на мой прекрасный итальянский, нежный и приятный, как зефир, со словами, подобными цветам прекраснейшего сада, и испанский, подобный ветру в деревьях, и португальский, подобный шуму моря у берега, украшенного цветами и лужайками, и французский, подобный быстрому журчанию милого ручейка, и голландский, подобный дыму табачной трубки...»

Разносторонность молодого Энгельса, казалось, не знала границ. Да их, по сути, и не было. Перо юного Фрица в равной степени легко выводило и сильные поэтические строки о свободолюбивых индейцах Америки, и – кипучие стихотворные формы о не менее пылких африканских бедуинах. Из-под того же пера ложились на нотный стан музыкальные оратории. На тетрадные листы и бланки писем – остроумные карикатуры и нежные пейзажи. Им же строчились первые философские работы в журналы. Конспектировалась по ночам грамматика романских языков и труды Гегеля, равно как и делались хитроумные экономические расчеты в бытность Фридриха практикантом на текстильном производстве у Бременских магнатов.

Он умел жить полнокровной жизнью. Одновременно быть заводилой в безобидных юных кутежах в бременских пивнушках. Учреждать в кругу друзей дурашливые праздники усов. Брать уроки танцев. Солировать в хоре. Придумывать разные конспиративные фокусы, дабы не быть застуканным на рабочем месте своими боссами за выкуриванием любимых сигар и дегустацией хороших вин прямо в рабочее время в своей конторе. Веселое расположение духа редко изменяло ему. Даже в самые критические моменты. Даже на баррикадах будущих восстаний. «Разве веселая шутка мешает революции?» – спросит герой вполне забытого старого советского фильма «Год как жизнь». Имя персонажа – Фридрих Энгельс. А играет его...

Андрей Миронов. Еще до звездных своих ролей. Очень-очень молодой. Но попадание в образ – кажется, стопроцентное: умный, легкий, смелый, остроумный, решительный...

«Я теперь яростно фехтую, – делится в письме к своим друзьям детства неутомимый Энгельс, – и смогу в скором времени зарубить всех вас. За последнее время у меня здесь были две дуэли...» Кажется, всё-таки Андрей Миронов доиграл своего Энгельса до конца – его красивый, честный, смелый и бурный, точно початая бутылка шампанского, Маркиз из более поздней картины «Достояние республики» – еще одно меткое попадание в образ. «Шаги звон, как звон бокала...» Даже последующее обретение пышных регалий «хлопчатобумажного лорда», как остроумно окрестит его впоследствии жена Маркса Женни, не скажется на простоте, искренности и человечности этого блестящего аристократа.

Талантливого юношу обуревают жажда борьбы. Голод на бурную деятельность. Томление в поисках великой мысли... «В моей груди, – признается он в письме своему школьному другу Вильгельму Греберу, – постоянное брожение и кипение, в моей порой нетрезвой голове непрерывное горение; я томлюсь в поисках великой мысли, которая очистит от мути то, что бродит в моей душе, и превратит жар в яркое пламя». Энгельс с юности ощутил свое главное призвание – борьба. Цель борьбы – свобода.

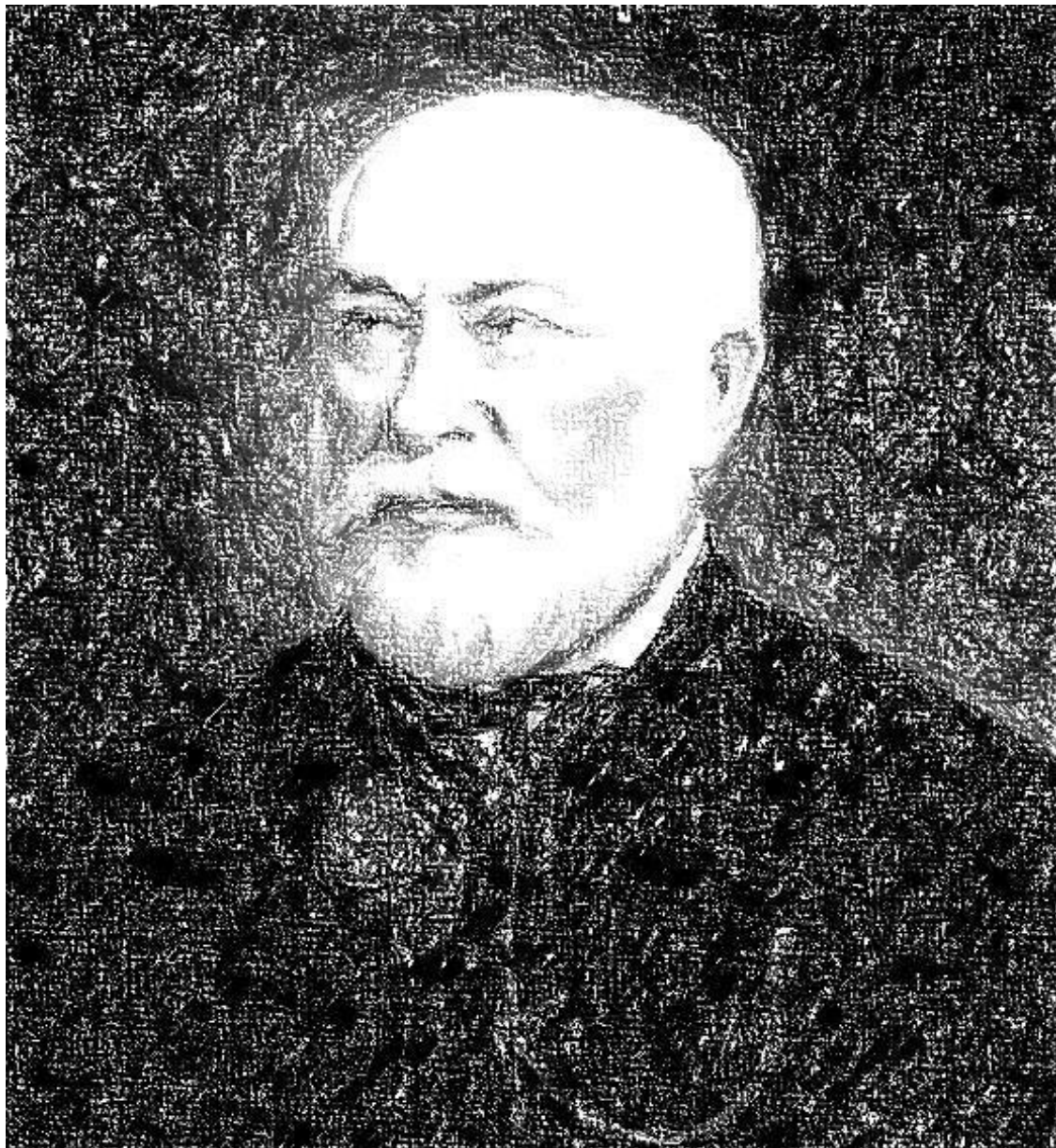
«По ночам я не могу спать от всех этих идей века, – делится он со вторым из братьев Греберов – Фридрихом, – когда я стою на почте и смотрю на прусский государственный герб, меня охватывает дух свободы; каждый раз, когда я заглядываю в какой-нибудь журнал, я слежу за успехами свободы...» Главные оппоненты юного поборника независимости – европейские цензоры чуть ли не все до одного. «Нет времени, более изобилующего преступлениями королей, – продолжает он переписку со своим тезкой Фридрихом, – чем время с 1816 по 1830 год, почти каждый государь заслужил смертную казнь». И далее юный Энгельс приводит доводы в отношении каждого из европейских властителей, вполне достаточных для отправки их на эшафот. Скажем, русского царя Александра I молодой Энгельс «приговорил» по статье «отцеубийство»...

Видимо, это была эпоха максималистов: если уметь плавать, то так, чтоб четырежды пересечь широченную реку; если учить языки, то две дюжины, как минимум; если фехтовать, то сразу на баррикадах; если искать свободы, то лучше не мелочиться и освобождаться от тех, кто зажимает ее на самом вершине, – царей. На этих позициях они впоследствии сойдутся с Марксом – тоже революционером по складу характера, по способу существования, ключевым фактором которого становится борьба. Вулканический темперамент обоих позволяет вести эту борьбу со все увеличивающимся преимуществом, опрокидывая навзничь оппонентов потрясающими публицистическими залпами вроде изрядно трянувшего буржуазные основы «Коммунистического манифеста».

Но даже столь любезный им коммунизм не мог исчерпать и полностью занять умы этих титанов. Могучий мозг Энгельса не желал простаивать, и политика дополнялась философией, философия – лингвистикой, та – математикой, а та в свою очередь – физикой, химией да и бог знает какими еще книжными премудростями. В гораздо более поздней «Диалектике природы» потенциал неукротимого полиглота превзошел все мыслимые границы, и Энгельс – по сути, недоучившийся гимназист, самоучка, самородок – в дискуссиях по естествознанию встает вровень с главными научными апостолами тех времен – Д'Аламбером, Лейбницем, Лапласом, Максвеллом, Гельмгольцем. Его конспекты испещрены химическими формулами, космологическим выкладками, решениями сложных задач механики, астрономии, термодинамики, электричества. Не думаю, что сегодня среди топовых мировых политиков найдется хотя бы пара, способных на таком уровне дискутировать, ну, скажем, с нынешними Нобелевскими лауреатами по самым пиковым проблемам современного естествознания. Ну, скажем, о присутствии вокруг нас неосознаваемой, но вместе с тем неизбежной, темной материи. Неуловимой, но всеобъемлющей. Загадочной, но неоспоримой. Той самой, может быть, о которой еще полтора

века назад предугадательно писал Фридрих Энгельс всё в той же своей «Диалектике природы». «Астрономия оказывается всё более и более вынужденной признать существование в нашей звездной системе темных, не только планетных, тел, следовательно, потухших солнц...» – за полтора века до присуждения Нобелевской премии за подтверждение присутствия во Вселенной черных дыр напишет Энгельс. Надо же – классическое толкование. Случайное совпадение? Как знать – пути и векторы прозрения великих неисповедимы...

Машиностроитель и заводчик Сергей Мальцов

По его жизни можно снимать сериал. Писать учебник истории. Монографию по металлургии. Диссертацию по машиностроению. Справочник железных дорог. Пособие телеграфиста. Университетский курс по денежному обращению. Или – по ботанике. Или семинарский – по клиросному пению. Плюс – экономический обзор стран Западной Европы. Точно такой же – по экономике России.

А может выйти захватывающий сюжет из жизни двора их величеств со всеми причитающимися в таких случаях атрибутами: интригами, изменами, коррупцией и т.п. С лихвой достанет материала и для иллюстрации семейных драм шекспировского накала, скажем, – «Короля Лира». Или – драм сугубо государственных и абсолютно свежих, ну, например – многострадального импортозамещения в России.

Все эти необъятные сущности вместил в себя Сергей Иванович Мальцов – выдающийся русский промышленник, талантливый инженер, эксцентричный магнат, неумный меценат, жесткий крепостник, стихийный демократ, купец, певец, могучий государственный, горячий патриот, крупнейший банкрот, обладатель высших генеральских эполет, а также – хрустального замка в Крыму и звания умалишенного напоследок.

В 39 лет, на взлете военной карьеры, он снимает генеральский мундир, едет из столицы сначала к своим стекольщикам в Дятьково, а затем уходит дышать литейной гарью в купленные по соседству отцом – Иваном Акимовичем – у ослабевших Демидовых чугунные заводы. Стекольным магнатам Мальцовым требовались металлургические мощности для производства собственной промышленной оснастки. Машиностроение и металлургия захватывают бравого адъютанта с головой, и Сергей Иванович усердно прочесывает матушку Европу (благо свободно изъяснялся на английском, французском и немецком), жадно интересуясь всеми премудростями сталелитейного, рельсопрокатного и паровозного дела.

Гигантская промышленная вотчина размером в полгубернии, доставшаяся от отца, собственный инженерный талант, коммерческая хватка, а также бесполезные связи при дворе, что приобрел Сергей Мальцов после женитьбы на княжне Анастасии Урусовой, – всё это принесло быстрые плоды. Окунувшийся с головой в заводские дела молодой отставной генерал тут же затевает модернизацию Людиновского и Сукремльского заводов. Выписывает спецов из Европы. Вместо молотовой фабрики строит прокатную мастерскую. Возводит котельные. Внедряет (кстати, первым в России) мартеновские печи. Усовершенствует доменные. Модернизирует вагранки. Масса новых механических приспособлений, станков, механизмов быстро преобразуют некогда допотопные производства.

Сергей Мальцов постепенно набирает промышленный вес, осваивается в министерских коридорах и бдительно отслеживает спускающиеся оттуда государственные и военные заказы. На самом инновационном из них – первых рельсах для Николаевской железной дороги – Мальцов начинает ваять славу будущего индустриального магната. Заштатное Людиново исполняет цареву волю на отлично и в 1841 мальцовский завод в Людиново первым в Российской империи отгружает на «стройку века» отечественные рельсы из заказанных общим объемом 5 млн пудов.

Но Сергей Мальцов кипит новыми идеями – бредит паровыми машинами, что к середине XIX века творят повсюду промышленный переворот. Правда, творят этот переворот руками немцев и англичан. Своих паровиков лапотная Россия не производит. Мальцов берется этот пробел ликвидировать. Это вызывает издевательский смех при дворе.

– Ты с ума сошел! – останавливает Мальцова великий князь Михаил Павлович.

– Почему, выше высочество? – недоумевает тот.

– Да как же, ты соперничаешь с англичанами!..

– Хочу, чтобы машиностроение устроилось и у нас.

– Ну, смотри, – грозит дерзкому русскому заводчику царедворец, – приемку сделают такую, что несдобровать!

Через пару лет мальцовские паровики всё-таки вытесняют англичан. Себе в убыток, но рынок отбили. Людиновские и сукремльские машины запыхтели сначала в Петербургском арсенале, а затем на Тульском оружейном заводе.

Их

шум стал все более различим и на речном флоте – мальцовские умельцы налаживают выпуск паровых двигателей для судов. Первых винтовых двигателей для пароводных флотилий.

Производство в Людиновско-Дятьковском промышленном кусте растет как дрожжах. За первые 10 лет генеральского командования увеличивается на порядок: с 400 тыс. руб. в год до 4 миллионов. Постепенно приобретает имперский масштаб. Временами даже его перерастая. Предприимчивый магнат сколачивает вокруг своих чугунолитейных, стекольных, винокуренных и просто земельных активов своеобразную державу – населением примерно тысяч в 100 и площадью тысяч в 10 километров квадратных. Аккурат на стыке Брянских, Смоленских и Калужских земель.

Этакое государство в государстве: с собственной крепостной системой, отдельным промышленным производством, лично придуманными деньгами, особым снабжением, местным университетом, литейными школами, бесплатными лекарнями, собственноручным телеграфом, самостийно узкоколейкой и даже полицией, тоже в уникальном, мальцовском исполнении. Всё у Мальцова было свое. Отдельное. Выстроенное на свои миллионы. Ясное дело, и храмы – тоже...

Цель – удержать в условиях антикрепостнической реформы капиталистическое, по сути, производство – удержать в едином крепостническом кулаке. Дабы вдарить этим кулаком по иностранным конкурентам русских заводов. Цель, ясное дело, трудно исполнимая, но для стойкого державника Мальцова заветная. Любопытствующие обнаруживали в мальцовских владениях курьезное зрелище – некое подобие крепостной республики: во главе жесткий сатрап, приковавший к своим заводам тысячи подневольных и он же – их благодетель, кормилец и просветитель. Наравне с ними, кстати, вкальвающий и с утра до ночи не вылезаящий из задымленных цехов.

«Мальцов, описывает магната уже в ореоле славы один из современников, – небольшого роста крепкий старик, живой, красноречивый, всем интересующийся, но деспот и самодур. Мальцов, как и его служащие, почти все из крепостных, ходят в серых казакинах и ездят

в безрессорных экипажах, сидя, как на эшафоте, спиной к кучеру. У него всё свое, даже меры: «мальцовская сажень» делится не на аршины, а на четыре «палки».

Курс на «всё свое» взял верх и при российском дворе тоже. За рельсами, паровиками и пароходами последовали паровозы. В 60-70 –х годах правительство размещает госзаказы на их изготовление исключительно из отечественных комплектующих и на российских заводах. Сергей Мальцов с воодушевлением берет эти подряды. Они требуют гигантских инвестиций. Приходится покупать в Европе старые паровозные заводы и монтировать их у себя. Небывалое напряжение сил и – вновь победа. Первый российский товарный паровоз в 1870 году выходит из цехов Людиновского завода.

Окрыленный успехом и уверенный в своей могучей промышленной империи Сергей Мальцов увеличивает ставки и быстро доводит паровозный госзаказ до гигантских размеров – 150 машин и 3000 тыс. вагонов, которые берется поставить в течение 6 лет. Вкладывает в свое крепостное производство практически все накопления. Берет, где только можно, займы. Строит, модернизирует, реконструирует... Торопится и горячится. Не обращает внимания на важнейшие технологические нестыковки, как-то: оторванность от главных железнодорожных артерий. Изготовленные паровозы приходится переправлять на баржах по узким местным речкам, катать вручную...

Его предпринимательский риск всё чаще приобретает в свете черты авантюры. Мальцовская самодержавность уже оборачивается самодурством. Промышленные вложения трактуются, как мотовство. Меценатство как придурь. Семья ропщет. Жена кляузничает. Все требуют денег. А они застряли в правительстве, которое вдруг расхотело оплачивать крупнейший мальцовский госзаказ. И вернулось на импортные рельсы, отказав, по сути, русским промышленникам в поставке своих паровозов для отечественных железных дорог.

Крепостнической или даже полукрепостнической мальцовской промышленной империи выпутаться из такой передраги было очень сложно. По сути это был приговор, вынесение которого удалось только отсрочить, но не избежать. В 1885 году заводы Мальцова стали банкротами. Самого Сергея Ивановича еще раньше отстранили от дел. Под предлогом умалишенности. И отправили в Крым выращивать цветы и дышать воздухом. Промышленная империя магната попала под казенное управление и постепенно пришла в упадок. До прежних мальцовских высот она уже не поднялась никогда: ни до революции, ни после.

Авиаконструктор Семен Лавочкин

Среди главных звезд советской авиации он самый, пожалуй, камерный. Из генералов – на вид менее всех воинственный. На старых канонических фото – этакий сдержанный, мягкий аристократ, явно не по своей воле облачившийся в грозный китель со звездами. Не то чтобы неприметный, скорее никогда не старавшийся попусту выпячиваться и ослепительно сиять. Хотя сиять было чем всегда: две Звезды Героя

Соцтруда, четыре Сталинские премии, слава создателя лучших истребителей Второй мировой войны, основание в подмосковных Химках крупнейшего машиностроительного комплекса, снискавшего славу не только в авиа-, но и ракетостроении, а в последующие годы – и в космосе. Все эти достижения уместились в недолгую жизнь Семена Алексеевича Лавочкина – выдающегося нашего авиаконструктора. Впрочем, не только авиа, но и создателя новых систем ракет, о которых, однако, очень долго никому не разрешалось поведать...

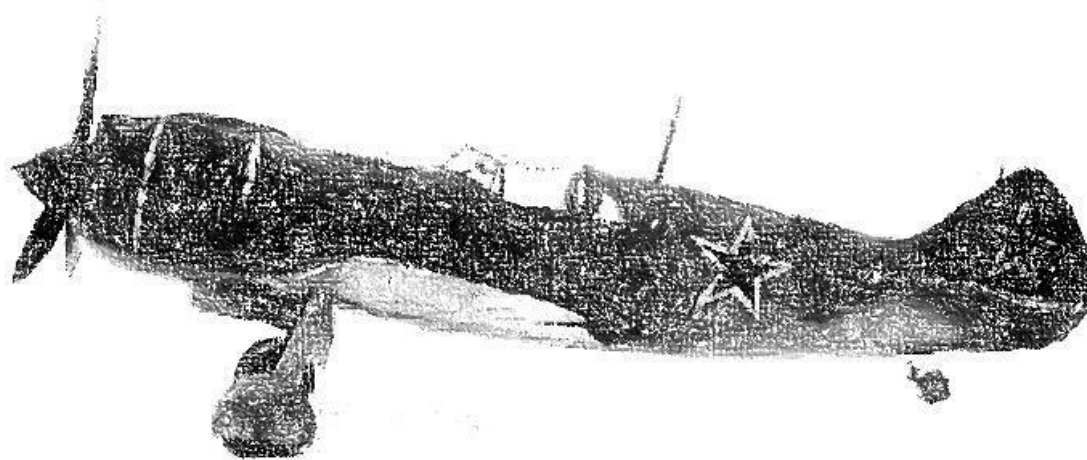
Родители прочили сына в адвокаты, или в медицину, или на худой конец – желали бы видеть его успешным на театральном поприще. В патриархальной еврейской семье смоленского учителя – вполне обыденный выбор. Семен не подчинился ни одному из родительских предначертаний – с запасом знаний нескольких языков, золотой гимназической медалью в кармане, отбарабанив два года срочной в Красной Армии, поступает в Бауманский. На аэромеханика. Даже в высокообразованной среде семейства Лавочкиных такой выбор сына сочли чересчур экстравагантным. Что такое авиация в 20-е годы, ещё знали мало. Точнее уверены были в том, что прожить на средства от такого рода технических чудачеств будет куда сложнее, нежели за счёт гонораров адвоката или доходов врача.

И были отчасти правы: семь лет учебы Семена в институте и первые годы работы молодого авиаконструктора в разных КБ – это была вечная нужда. Правда, лишь материальная. Интеллектуально же Лавочкин пребывал в чрезвычайном изобилии. Старт работ у опытных французов Ришара и Лявиля оказался богатым на приобретенный опыт. А встреча с Туполевым вообще оказалась подарком судьбы. Практика Семена на его проекте первого советского

бомбардировщика АНТ-4 – бесценный вклад в копилку озарений будущего создателя супер-истребителей Ла-5 и Ла-7.

Впрочем, первым собственным массовым самолётом Лавочкина был ЛаГГ-3. В соавторстве с Горбуновым и Гудковым. 1940 год – самый канун войны. Советское руководство спешно извлекало уроки из военных стычек с немцами в ходе испанских событий. В том числе – в небе. Выяснилось: наши истребители серьезно уступают немецким – и в скорости, и в вооружении. Задача: сделать новый самолет. Или – несколько. Вызов приняли десятки КБ. К финишу дошли немногие, в том числе – конструкторские коллективы Яковлева, Микояна и Лавочкина с Горбуновым и Гудковым. Модель должна была быть быстрой, легкой, «кусачей», маневренной, экономичной и технологичной. В небе надвигались грозные тучи новой войны, и все понимали, что медлить Советскому Союзу с конкурентным истребителем никак нельзя. Он должен подняться в небо незамедлительно.

Одним из первых финишную черту конструкторской гонки пересек ЛаГГ-3, впитавший в себя ряд любопытных новаций. В частности, использование в конструкции несущих частей так называемой дельта-древесины – очень плотной древесно-смолистой субстанции. Этакий наш ответ на дефицит алюминия в предвоенные годы. Для массового строительства самолетов его сильно не хватало. Лавочкинцы предложили заменить его ... экономичным деревом. По вполне правдоподобной легенде, испытывал на прочность чудо-материал сам Иосиф Виссарионович. На, скажем так, презентации проекта ЛаГГ-3 Сталин высыпал на дельта-древесинный образец пепел из своей горячей трубки и поскоблил дощечку чем-то острым. Материал выдержал испытание. Самолету зажгли зеленый свет. Страна успела получить истребители, которым во многом обязана победой в прошлой войне.

Все годы войны Лавочкин непрерывно совершенствовал свои машины. В 1942 году ЛаГГ-3 дополнился новым самолетом Ла-5. Уже в единоличном конструкторском исполнении Семена Алексеевича. Модификация следовала за модификацией. Ближе к концу войны в небо поднялась еще более мощная машина – Ла-7. Скорость машин за это время выросла с 580 до 680 км/ч. Уже к 1943 году немцы утратили былое преимущество в небе и более уже не смогли его вернуть. Страна выпускала уже до 100 самолетов в день. Порядка 37 процентов из них были истребители Лавочкина. Производство их было отлажено как часы: 28 дней – и очередная собранная машина в небо. Упреки в якобы недолговечной конструкции из деревянных составляющих оказались беспочвенными: на фронте самолетный век сокращается не коррозией и изношенностью, а пробоинами. Более 5-6 месяцев истребитель на войне не живет. Его короткий век древесина выдержит...

Послевоенные годы для конструкторской мысли Лавочкина оказались не менее напряженными. Наступал новый век реактивной авиации. Все больше внимание уделялось ракетной тематике. Мир погрузился в тучи холодной войны, что загружало новыми чрезвычайными заданиями конструкторов. В частности, КБ Лавочкина было поручено обеспечить ракетный щит столицы, что и было с успехом осуществлено. Впрочем, задач и проектов было множество. Как успешных, так и не очень. И даже запретных, каким, увы, оказался последний из реализованных Лавочкиным – создание межконтинентальной крылатой ракеты системы «Буря», которая показала на испытаниях рекордные 3600 км/ч. С такой скоростью в атмосфере еще никто не передвигался. Причем на довольно приличные расстояния – 3000-4000 километров.

Именно в ходе очередных испытаний «Бури» на полигоне Сары-Шаган, что близ озера Балхаш, у не дающего себе ни минуты послабления, упрямого и одержимого авиаконструктора остановилось сердце. Семену Алексеевичу было всего 59 лет. Его называли счастливым: смелые проекты, удачные самолеты, большие победы, вхож к Сталину, избежал репрессий, звезды Героя, четырежды лауреат, дача, машина, охрана, а на самом деле простая и яркая с детства мечта – о небе и крыльях...

Математик Александр Хинчин

В ранней юности он мечтал стать поэтом. Посылал Блоку изданные в Калуге свои первые книжки стихов с высокопарными заглавиями: "О деве с тайной в светлом взоре", "Слова, которым нет прощения", "Пленения" и др. Очаровывался и пытался сблизиться с Маяковским.

Блок мягко посоветовал не подражать и искать свой путь в творчестве. Маяковский же, скорее всего, юного "калужского шиллера" просто не заметил. Тот, однако, не унывал. Пробовал ставить спектакли в отцовских владениях – на Кондровских бумажных мануфактурах. Гастролировал с ними в близлежащий пушкинский Полотняный Завод. Изредка взимал скромную плату со зрителей. На неё вывозил фабричных артистов во МХАТ. Сам брал в уроки сценической речи у корифеев московской сцены.

Слыл

увлеченным книгоцеем. Достоевского перемежал книжками по дифференциальным исчислениям и теории чисел. Начав среднее образование в Калуге, продолжил его в Цюрихе и закончил в Москве. С детства на слух подбирал классику на домашнем рояле. Писал на русском, думал на немецком, говорил на том и на другом, плюс ещё на французском.

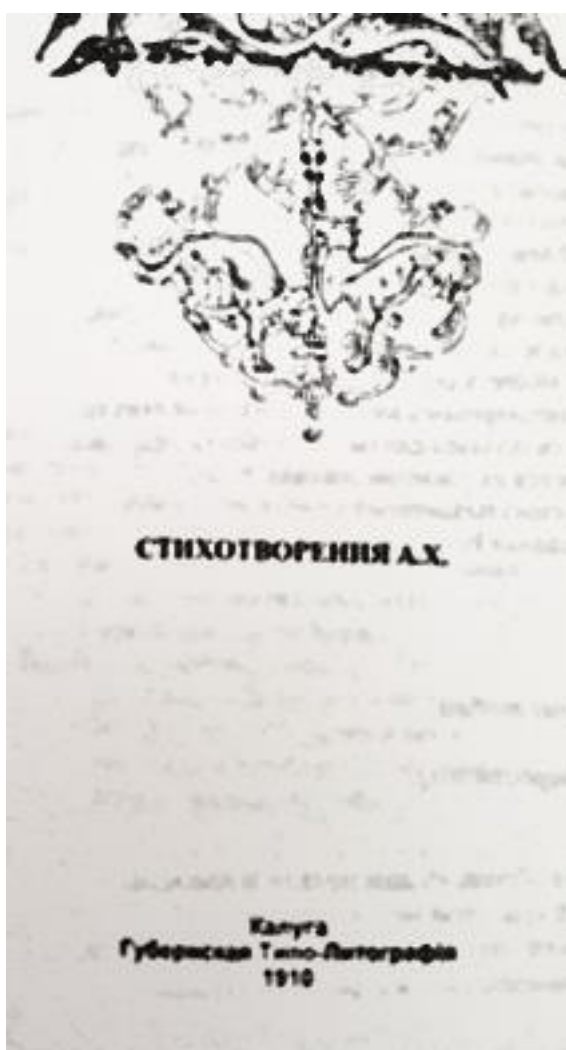
Говорил всегда точно, ёмко, выразительно, как это, видимо, и подобает бывшим поэтам-романтикам, вовремя переквалифицировавшимся из посредственных стихотворцев в яркие и сильные математики. Те, как известно, принуждены сообщать своим словам и выводимым формулам, как изящный литературный стиль, так и непобедимую силу научной аргументации.

"Там – вьсь, поящая отравую,
И злая неба синева.
А в тёмном сердце – мгла кровавая,
В пустой душе – одни слова.

Одни слова. Давно наскучили
Все пытки на костре земном.
Одни слова меня замучили
Неутоляющим огнём.

И нищему – одно мучение,
Одна заря, одни грехи:
Слова, которым нет прощенья,-
Мои тяжелые стихи".

(5 VI 1914.)

"Не простит" свои ранние поэтические опусы он и много лет спустя, когда один из его учеников на Мехмате МГУ решит сделать своему любимому преподавателю подарок – отыщет у московских букин

истов редчайшие издания 1910-1914 годов с грифом "Калуга. Губернская Типо-Литография" и именем автора на обложке: "Александр Хинчин

". Профессор

Хинчин нахмурится и раздраженно отодвинет бесценный букинистический дар со своими ранними творениями в сторону.

Но это будет много позже. А пока бурные творческие поиски приводят юного калужского поэта и горячего кондровского театрала на Физико-математический факультет Московского университета. Некоторое время он ещё продолжает настраивать свою поэтическую лиру, терзаясь переживаниями о доминирующих в ту (символистическую) пору пышных и жарких апелляциях вроде: "О, звёздочка, возьми всю душу! Тебе – последний сердца крик..."

Вскоре же, подпав под очарование более высокого, нежели поэзия, искусства – искусства интегрирования и извлечения логарифмов -перестает рифмовать и полностью отдается математическому творчеству. В дверь уже уверенно стучала Первая мировая война, за которой уже прослушивался гул Революции. А Саша Хинчин слушает отныне совсем другие голоса.

Уходят с пьедестала его бывшие кумиры – Блок и Маяковский. Их места занимают новые – Егоров и Лузин, под началом которых он наконец-то добивается всеобщего признания, как сочинитель. Его сочинение "Бесконечные ряды функций, их сходимость, почленное интегрирование и дифференцирование" отмечается в качестве лучшей на Физико-математическом факультете МГУ. Работу перепечатывает Парижская академия наук.

"Быть холодным. В затишье безбурном
Разлюбить золотые мечты.
И забыть, что в сиянье лазурном
За окном золотятся кресты.

Быть свободным. На холод бесстрашья
Променять непостижность любви.
И забыть, что на свете есть счастье.
И забыть поцелуи твои".

(1911)

По окончании университета Александр Хинчин навсегда уходит в математику. Сначала уезжает преподавать оную в только что учрежденный Иваново-Вознесенский политех, а с 1927 года окончательно закрепляется в своей альма-матер – на Мехмате МГУ. Здесь в профессорском звании он обретет настоящее признание в качестве разработчика многих ключевых разделов теории множеств, теории чисел, теории вероятностей, теории информации. Даровав своё имя таким известным математическим закономерностям, как интеграл Данжуа-Хинчина, теорема Винера-Хинчина, неравенство Хинчина, формулам Леви-Хинчина, Паллачика-Хинчина, плюс, открыв закон повторного логарифма, также неразрывно связанный с именем этого выдающегося математика.

В качестве "бонуса" на общественных, так сказать, началах создаёт новую по тем временам теорию "массового обслуживания" – когда в столичных телефонных сетях возникла нужда распутывать сложные трафики городских соединений. Наконец, накрепко прикипает к ставшему, наверное, основным призванием несостоявшегося поэта поприщу – педагогике. Хинчин пишет статьи и учебники по большинству ключевых курсов высшей математики, добиваясь

в них не только научной строгости изложения, но и так волновавшего его в пору ранних поэтических опытов изящества стиля.

"Иду. Всё жарче чудеса,
Всё ослепительнее цепи.
Вверху – ночных великолепий
Тяжелозвёздная краса.

Передо мной – объятый зноем
Мой путь – светящаяся нить;
Его течения не избыть
Душе, увенчанной покоем.

Я знаю: светлая дорога
Ведет туда, где вечен миг,
Где, павши ниц, увижу лик
Ещё не познанного Бога.

Но вновь и вновь живая нить
В душе восторги подымает,
И сердце вещее не знает,
Как этот трепет укротить "

(Апрель 1913.)

Имя Хинчина в математике приобретает вес. До войны он избирается в член-корреспонденты Академии наук. В университете работает рука об руку с такими светилами, как академики Лузин, Колмогоров, Александров. И с ними же в 1936-оказывается вовлеченным в сложнейшую и довольно неприятную перипетию, вошедшую в историю, как «Дело Лузина». Им сталинский режим в лице московских математиков открыл компанию по борьбе с «вредителями» в недрах Академии наук. Первой мишенью для атаки был избран глава сильнейшей в стране математической школы, наставник будущих научных светил – Колмогорова, Александрова, Хинчина – академик Лузин. Как это не прискорбно, но заглавные партии в его травле, наряду с газетой «Правда» и московскими партократами исполнили его лучшие ученики. И только вмешательство в дело академиков Крылова и Капицы избавило воспитанников Лузина от греха оказаться повинными в смерти своего учителя. Лузина не расстреляли и даже не сорвали с него академических мантий. Хотя удалили от всех дел.

По этой ли причине, а может по какой другой, но Александр Яковлевич всегда был крайне скуп на воспоминания, о чём упоминал один из немногих его учеников – математик Гнеденко. Который, впрочем, тоже никогда не распространялся на эту сложную тему. Возможно – просто не знал, поскольку стенограммы заседаний Академии наук тех времен было рассекречены лишь на рубеже XXI века.

«О мгле, безумной изначала.
О пытке до последних дней.
Всю ночь до утра ты кричала
Над раненой душой моей.

Я знал, чему свой гений дикий
Я в эту полночь обреку.

Ах, я поверил в эти крики,
В их нестерпимую тоску.

А утром расточились краски,
И без пощады, без конца –
Проклятый облик пошлой маски
На месте дивного лица»

(27 X 1914)

Скупость на воспоминания Александра Яковлевича распространялась почему-то и на его семью, не менее выдающимся представителем которой был и его отец – Яков Григорьевич, оставивший по себе в Кондрове добрую память. Более тридцати лет он трудился на местных бумажных мануфактурах, пройдя путь от молодого инженера до управляющего, заслужив своим инженерным рвением и отеческими заботами уважение сотен местных тружеников-бумагоделов. Талант инженера позволил Якову Григорьевичу стать авторитетным специалистом отрасли в целом, доктором технических наук.

Впрочем, особых памятных мет о роли Хинчиных – старшего и младшего – в истории города Кондрова сегодня, пожалуй, и не найти: нет улиц с этими именами, ни школ, ни библиотек. Разве что шестнадцать лет назад, в год 110-летия Александр Хинчина, в Калужском педуниверситете была проведена научная конференция в память о выдающемся математике. Да, учреждена была стипендия в его честь для студентов-отличников. Впрочем – студентов лишь технических направлений. Хотя гуманитарии тоже могли бы присоединиться...

«В лазоревых снегах раскинулись крыла
Твоей Всеблагости зарей призывной.
И все, что в тайниках Тебе душа несла, -
Затрепетало радостью дивной.

Я кинул вещей взор к бессмертью снежных крыл,
Пожар Твоих очей узрел оттуда;
И сердце светлое очам Твоим открыл,
И принял жизнь, как пламенное чудо».

(Апрель 1913)

Юрист-международник Фёдор Мартенс

Если Ньютон открыл законы гравитации в физике – притяжения всего и ко всему, то Мартенс – в обществе – неизбежного сближения всех и вся. Мирного, скажем так, сосуществования бесчисленного и разношерстного перечня народов и стран, что веками шумно теснятся, бранятся и толкаются на нашей терпеливой матушке-земле. Первый, пожалуй, случай в мировой юриспруденции теоретического опровержения неизбежности межгосударственных войн, коим человечество по устоявшейся привычке веками платило дань тысячами жизней людей и сотнями разорённых и поженных селений.

Именно ему, талантливому молодому российскому юристу, безродному выходцу с Лифляндских окраин, только что примерившему на себя профессорскую мантию юрфака С. - Петербургского университета Фёдору Мартенсу довелось в конце XIX века встать у истоков новой, по сути, науки – международного права. Как это сегодня не покажется странным, но до той поры понятие "международного права" толковалось лишь исключительно с позиции силы и строго в рамках "Римского права", изъяны которого в межгосударственной сферы стали очевидны при быстром накапливании странами Европы цивилизованных черт и столь же настойчивом сбрасывании с себя прежних оков воинственности при решении важных межгосударственных задач.

В 1871 году, всходя на кафедру международного права С. -Петербургского университета, Фёдор Мартенс выступил с программным заявлением, ставшим в последствии

его путеводной нитью в качестве авторитетнейшего правоведа-международника на всю жизнь. Причём не только жизнь его, но и всей мировой дипломатии. "Никогда грубая сила, – заявлял выдающийся российский учёный и миротворец, – не восторжествует над правом; никогда жалкая теория свершившихся фактов не заглушит в нас чувства правды и справедливости. Пред силою преклонялись народы Древнего мира; кулачное право царствовало в средних веках; но современными культурными народами управляет одна верховная идея всестороннего, всеобъемлющего прогресса".

Фёдор Мартенс взялся за неимоверной тяжести труд – попытаться внести мало осязаемый на тот момент, малопонятный и плохо сопрягаемый Римским правом термин "миролюбие" в главные научные скрижали, доказав не только в теории, но и на практике, что мир меж государствами – это не досужий вымысел праздных философов, не фантазии экзальтированных сочинителей од, не шутка, не ошибка – а – неперемненное условие существования цивилизованных стран, если они, конечно, дорожат перспективой сохранения за собой такого звания.

В профессорском "сане" Мартенс пишет один пацифистские трактат за другим, приняв к нему в дополнение ещё и "сан" высокопоставленного сотрудника российского МИДа колесит по Европе с нескончаемыми поручениями и по многочисленным приглашениям унимать одни распри государств за другими. С его мнением считаются императоры и премьер-министры. Без него не обходится ни одного мало-мальски значительное международное ранде-ву. Его хотят видеть в числе международных светил многие университеты Европы. Облекают почетными званиями и отмечают иноземными орденами.

В 1882-ом учёный издаёт фундаментальный труд – двухтомник "Современное международное право цивилизованных народов". Настольную книгу многих поколений мировой дипломатии (жалко – не сегодняшней). Идея миролюбивого манускрипта проста: "сила международного права основывается на общности социальных, культурных и правовых интересов, соединяющих цивилизованные народы". То есть если страна позиционирует себя, как "цивилизованная", то ей нечего отвоёвывать с помощью пушек и бомб у другой страны с точно таким же эпитетом в характеристике. Если же есть чего – извините, господа: вы – варвары.

В своей вновь созданной теории международного права Ф. Мартенс обнаруживает неразрывную связь между уровнем рабства в стране и интенсивностью бесчинств, которые она творит снаружи. "Действительно, – пишет учёный, – изучение международных отношений вообще и участие в них России в особенности привело нас к непоколебимому убеждению в том, что внутренняя жизнь и порядок государства обнаруживают роковым образом своё действие на его международные отношения и политику. Международные отношения всегда представляют зеркало, точно отражающее состояние государственных обществ... Мы сделали попытку раскрыть связь между общественной жизнью народов и взаимными внешними их отношениями через всю историю международных отношений, начиная с и до настоящего времени, и пришли к убеждению, что и если в государстве человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав, то и международная жизнь представляет высокую степень развития порядка и права. Наоборот, с государством, в котором человеческая личность никакими правами не пользуется, где она бесправная и угнетается, международные отношения не могут ни развиваться, ни установиться на прочных основаниях".

Непревзойденный миролюбивый пафос выдающегося российского учёного-правоведа нашёл отклик в сердцах самых изошрённых спецов международных сношений, восемь раз (рекорд!) номинировавших Фёдора Федоровича на Международную Нобелевскую премию мира. Увы, безуспешно, что, впрочем, никак не сказалось на безупречной научной и моральной репутации этого уникального человека. С лёгкой руки которого, кстати в начале прошлого

века в Гааге на деньги известного американского филантропа Карнеги был сооружен Дворец Мира. Как бы в продолжение триумфально срежисированной не без участия русской дипломатии первой Мирной конференции в Гааге 1899 года.

Всё это было, было, было... Были времена, когда слово "мир" неразрывно увязывалось с Россией. Когда её лучшие умы (и даже – вполне средние, и даже и вовсе безмозглые) осознавали неизбежную связь будущего своего с отказом от стрельбы в соседей. Желание не быть варварами – с невозможностью взрывать чужие города. И – угрожать тем же самым всему миру. Миронелюбие... Пожалуй, так...

А Фёдор Фёдорович Мартенс, говорят, умер от остановки сердца. В поезде по пути с очередной миротворческой миссией. Похоже, не совсем удавшейся. На дворе стоял 1909 год. Позади была разрушившая многое никчемнейшая Русско-японская война. Зачатки внутренней смуты. Назревали смуты последующие. Войны и революции – им вослед. Мир не сдал первый зачёт по миролюбию. Получил неуд в истории. Пошел на переэкзаменовку. Во второй раз завалил вновь. Взял время на раздумье. И похоже снова ринулся на пересдачу. Что-то покажет третий подход к проблеме?..

Именно ему, талантливому молодому российскому юристу, безродному выходцу с Лифляндских окраин, только что примерившему на себя профессорскую мантию юрфака С. - Петербургского университета Фёдору Мартенсу довелось в конце XIX века встать у истоков новой, по сути, науки – международного права. Как это сегодня не покажется странным, но до той поры понятие "международного права" толковалось лишь исключительно с позиции силы и строго в рамках "Римского права", изъятые которого в межгосударственной сферы стали очевидны при быстром накоплении странами Европы цивилизованных черт и столь же настойчивом сбрасывании с себя прежних оков воинственности при решении важных межгосударственных задач.

В 1871 году, всходя на кафедру международного права С. -Петербургского университета, Фёдор Мартенс выступил с программным заявлением, ставшим в последствии его путеводной нитью в качестве авторитетнейшего правоведа-международника на всю жизнь. Причём не только жизнь его, но и всей мировой дипломатии. "Никогда грубая сила, – заявлял выдающийся российский учёный и миротворец, – не восторжествует над правом; никогда жалкая теория свершившихся фактов не заглушит в нас чувства правды и справедливости. Пред силою преклонялись народы Древнего мира; кулачное право царствовало в средних веках; но современными культурными народами управляет одна верховная идея всестороннего, всеобъемлющего прогресса".

Фёдор Мартенс взялся за невероятной тяжести труд – попытаться внести мало осязаемый на тот момент, малопонятный и плохо сопрягаемый Римским правом термин "миролюбие" в главные научные скрижали, доказав не только в теории, но и на практике, что мир меж государствами – это не досужий вымысел праздных философов, не фантазии экзальтированных сочинителей од, не шутка, не ошибка а – неперемное условие существования цивилизованных стран, если они, конечно, дорожат перспективой сохранения за собой такого звания.

В профессорском "сане" Мартенс пишет один пацифистские трактат за другим, приняв к нему в дополнение ещё и "сан" высокопоставленного сотрудника российского МИДа колесит по Европе с нескончаемыми поручениями и по многочисленным приглашениям унимать одни распри государств за другими. С его мнением считаются императоры и премьер-министры. Без него не обходится ни одного мало-мальски значительное международное ранде-ву. Его хотят видеть в числе международных светил многие университеты Европы. Облекают почетными званиями и отмечают иноземными орденами.

В 1882-ом учёный издаёт фундаментальный труд – двухтомник "Современное международное право цивилизованных народов". Настольную книгу многих поколений мировой дипломатии (жалко – не сегодняшней). Идея миролюбивого манускрипта проста: "сила международного права основывается на общности социальных, культурных и правовых интересов, соединяющих цивилизованные народы". То есть если страна позиционирует себя, как "цивилизованная", то ей нечего отвоёвывать с помощью пушек и бомб у другой страны с точно таким же эпитетом в характеристике. Если же есть чего – извините, господа: вы – варвары.

В своей вновь созданной теории международного права Ф. Мартенс обнаруживает неразрывную связь между уровнем рабства в стране и интенсивностью бесчинств, которые она творит снаружи. "Действительно, – пишет учёный, – изучение международных отношений вообще и участие в них России в особенности привело нас к непоколебимому убеждению в том, что внутренняя жизнь и порядок государства обнаруживают роковым образом своё действие на его международные отношения и политику. Международные отношения всегда представляют зеркало, точно отражающее состояние государственных обществ... Мы сделали попытку раскрыть связь между общественной жизнью народов и взаимными внешними их отношениями через всю историю международных отношений, начиная с и до настоящего времени, и пришли к убеждению, что и если в государстве человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав, то и международная жизнь представляет высокую степень развития порядка и права. Наоборот, с государством, в котором человеческая личность никакими правами не пользуется, где она бесправная и угнетается, международные отношения не могут ни развиваться, ни установиться на прочных основаниях".

Непревзойденный миролюбивый пафос выдающегося российского учёного-правоведа нашёл отклик в сердцах самых изошрённых спецов международных сношений, восемь раз (рекорд!) номинировавших Фёдора Федоровича на Международную Нобелевскую премию мира. Увы, безуспешно, что, впрочем, никак не сказалось на безупречной научной и моральной репутации этого уникального человека. С лёгкой руки которого, кстати в начале прошлого века в Гааге на деньги известного американского филантропа Карнеги был сооружен Дворец Мира. Как бы в продолжение триумфально срежисированной не без участия русской дипломатии первой Мирной конференции в Гааге 1899 года.

Всё это было, было, было... Были времена, когда слово "мир" неразрывно увязывалось с Россией. Когда её лучшие умы (и даже – вполне средние, и даже и вовсе безмозглые) осозна-

вали неизбежную связь будущего своего с отказом от стрельбы в соседей. Желание не быть варварами – с невозможностью взрывать чужие города. И – угрожать тем же самым всему миру. Миронелюбие... Пожалуй, так...

А Фёдор Фёдорович Мартенс, говорят, умер от остановки сердца. В поезде по пути с очередной миротворческой миссией. Похоже, не совсем удавшейся. На дворе стоял 1909 год. Позади была разрушившая многое никчемнейшая Русско-японская война. Зачатки внутренней смуты. Назревали смуты последующие. Войны и революции – им вослед. Мир не сдал первый зачёт по миролюбию. Получил неуд в истории. Пошел на переэкзаменовку. Во второй раз завалил вновь. Взял время на раздумье. И похоже снова ринулся на пересдачу. Что-то покажет третий подход к проблеме?..

Академик Жорес Алферов

О Жоресе Алферове я узнал в середине 80-х. Когда делал диплом в НИИ материалов электронной техники. Занимался жидкофазной эпитаксией полупроводников в системе алюминий-галлий-мышьяк. Проще говоря, выращивал этикие очень-очень тонкие кристаллические слои с довольно хитрым составом. Из них потом изготавливались всевозможные светоизлучающие приборы. Скажем: светодиоды, лазеры, фотоприемники. Еще не массового применения, как сейчас, а главным образом, военного, космического и т.д.

Список используемых в дипломе работ пестрил многими фамилиями: привычными для электроники середины 80-х – японскими, американскими, тайваньскими (материковый Китай тогда еще только набирал научные обороты) и, что удивительно, русскими – тоже. Еще более удивительно оказалось то, что русские имена в этой тематике преобладали. И среди этих имен ярко доминировало одно – Жорес Алферов. Имя это звучало везде, где всерьез начинали говорить об оптоэлектронике – той электронике, где в процессах участвуют не только электроны, но и фотоны. То есть где излучается или поглощается свет.

Наш НИИ материалов электронной техники как раз и был «заточен» на эту самую оптоэлектронную тематику. Стартовал в конце 60-х – начале 70-х недалеко от Москвы, в Калуге, когда мировая гонка за суперэффективными полупроводниковыми излучателями вошла в решающую фазу. Когда японцы, русские и американцы шли «ноздря в ноздрю». И когда советская оптоэлектроника стала постепенно уходить в отрыв от своих зарубежных «партнеров». В такое чудо сегодня не верится. Но было именно так: команда Жореса Алферова к середине 70-х нащупала уникальные светоизлучающие полупроводниковые материалы, сделавшие к началу XXI века, по сути, переворот в науке. И технике – тоже. И во всей земной цивилизации – заодно. То есть – революцию...

Короче: если вы читаете этот текст – стало быть, пользуетесь открытиями Жореса Алферова. Нет человека на земле, который бы сегодня их игнорировал. Думаю, аборигены Австралии – не исключение. Так вот: включаете дома свет (а он наверняка уже от светодиодной лампочки) – пользуетесь. Смотрите телевизор (с латинской аббревиатурой LED на панели, да и без нее – тоже) – пользуетесь. Заглядываете в свой мобильник, ноутбук, изучаете светящуюся панель новенького авто, смотрите на городскую иллюминацию, на мигающие светофоры, габаритные огни пробегающих мимо легковушек и автобусов, обследуетесь

в поликлинике или лечитесь в больнице (где лазер стал главным помощником и терапевта и хирурга), летите в космос (а что тут такого?), входите в интернет, вообще – купаетесь в благах информационной цивилизации (которая сегодня немыслима без передачи сигналов по оптоэлектронной схеме) – помните, кому вы обязаны всем этим, ставшими вообще-то уже вполне обыденными, но, тем не менее, настоящим техночудесам. За нами стоит наш выдающийся соотечественник – Жорес Иванович Алферов.

Если коротко – человеку удалось укротить свет. Или так – приручить его. А если еще точнее – не только приручить обычный свет, но и научить его делать такие вещи, которые сама природа сконструировать не догадалась. Жоресу Алферову со своими соратниками по Ленинградскому Физтеху в 60-70-х годах прошлого века удалось найти новый способ трансформации электрической энергии в световую и обратно с помощью абсолютно новых на тот момент материалов, не использующихся ранее для этой цели. Это были полупроводники на

основе арсенида галлия и арсенида алюминия. А если точнее – твердые растворы в системе галлий-алюминий-мышьяк. Причем получаемые с помощью особо тонкой технологии – последовательным наращиванием (из газа, из жидкой фазы, из молекулярных пучков) тончайших пленок (эпитаксиальных слоев) этого материала с различными вариациями по содержанию в них составляющих элементов – галлия, алюминия, мышьяка, плюс – электрически активных лигатур. Цель – «поймать» наиболее эффективный состав для запуска излучения при прохождении электрического тока через созданный при помощи таких слоев р-п-переход.

О полупроводниках, р-п-переходах, создаваемых на их основе диодах, транзисторах и т.д. все знали давно и серьезно. Позиции кремния и германия в полупроводниковой электронике, казалось, уже ничто не могло поколебать. Однако при всех плюсах эти эффективные, технологичные и относительно недорогие материалы имели ряд существенных «но». В частности, квантовая механика не позволяла им участвовать в генерации фотонов. То есть излучать свет. Такой милости природа удостоила лишь полупроводники синтетические. Особых составов. В частности, синтезированных из элементов III и V групп периодической системы Менделеева. Те же галлий и мышьяк. Или – индий и мышьяк. Или – галлий и фосфор и т.д. Не только их, но их – в особенности.

Так наука напала на след светоизлучающих полупроводников. Это была середина прошлого века. В мире началась гонка за теоретическое и практическое воплощение оптоэлектронных материалов на основе соединений АЗВ5. Все понимали, что речь идет о получении источников света в десятки, сотни, тысячи раз эффективней, компактней, производительней и т.д., нежели обычные лампочки накаливания и их с ними осветительный мезозой.

«Мы их надрали!» – не без гордости вспомнит много лет спустя мировую гонку на получение эффективных светоизлучающих структур Жорес Алферов. Его команде удалось первой синтезировать так называемые гетероструктуры на основе твердых растворов галлий-алюминий-мышьяк. Этакие многослойные полупроводниковые «бутерброды» с микронными и даже долей микрон толщиной эпитаксиальных слоев нужных составов. При прохождении через них электрического тока «слойка» начинала излучать. Сначала – в ИК-диапазоне. Сложные махинации с составами пленок позволили этот диапазон расширить на красную область спектра. Постепенно в ход пошли не только галлий, алюминий и мышьяк, но и их «родственники» по таблице Менделеева – индий, фосфор, азот и проч. Цель – перекрыть полный солнечный спектр.

Применение же особых материаловедческих хитростей позволяло получать из таких гетероструктур не только свет обычный, но и когерентный, то есть – лазерное излучение. Так в мире началась оптоэлектронная революция. Мало того, не закончившаяся сегодня, напротив – набирающая к старту XXI века всё более мощные обороты.

«XXI век будет веком гетероструктур», – не уставал повторять их «крестный отец» Жорес Иванович Алферов. Сегодня это уже не предвидение. Сегодня – это факт. Простая реальность. Почти обыденность. Которая, увы, всё в меньшей степени обязана той стране, что выпестовала революционную оптоэлектронику. Сейчас она делается, где угодно, только не у нас. Тот же Жорес Алферов в последние годы отчаянно боролся за возвращение отечественной электроники на мировой научный Олимп. Увы, тщетно. «Наш потенциал здесь сегодня – от силы 20-25 процентов того, что было в свое время в РСФСР», – горестно признавал в последние годы жизни великий российский ученый...

Если въезжать сегодня в Калугу с юга, то по левую руку взгляд натолкнется на мертвый архитектурный колосс, приветствующий гостей города десятками пустых оконных проемов, торчащими из бетонных стыков полуобсыпавшихся стен березами и кустами, а также размашистой, метров пять длиной, гудронной надписью под самой крышей: «Продается».

Так драматически закончил свой путь на калужской земле первый и, скорее всего, последний «нобелевский» сюжет, напоминать о котором в городе не принято. А именно – о

появлении в Калуге полвека назад прорывного научного центра, вышедшего впоследствии на «столбовую нобелевскую» дорогу, пробитую сначала Жоресом Алферов, а затем устремившейся вслед за ним целой плеядой американских и японских специалистов по физике твердого тела. Это и был НИИ материалов электронной техники, где мне довелось начинать свой инженерный путь. Как, впрочем, его и заканчивать.

Именно здесь, в Калуге, планировалось в конце 80-х создать столицу советских гетероструктур, а также всего того, из чего их получали. Тех самых гетероструктур, что завоевали с легкой руки Жореса Алферова весь мир сегодня. Но – завоевали его уже без нас. Без России. Тот же Калужский мегацентр оптоэлектронных материалов умер, не пережив драматических российских реформ. Оставил на память лишь пустые стены гигантских корпусов, здание НИИ, приспособленное сегодня под салон диванов и шиномонтаж, да уникальный барельеф на институтском фасаде с мозаикой на тему уравнений Планка и Эйнштейна. Подозреваю – единственный в мире монумент квантовой механике. Правда, встречающий теперь не цвет российской и мировой науки, а мелких обывателей, обуреваемых желанием выбрать диван помягче...

Всякий раз, проходя мимо этого «квантово-механического» салона диванов, я задумываюсь о невозможных утратах. Сегодня – об ушедшем от нас великом российском ученом, взявшем в 2000 году Нобеля за то, что позднее мы, как его, по сути, многочисленные ученики, старались в НИИ материалов электронной техники максимально успешно тиражировать и что было выкинуто впоследствии начисто как ненужный хлам. Вместе с институтом. До этого – о том, что таких же Нобелей в 2014 году получили японцы. Опять же за похожие структуры (на этот раз – нитрида галлия, дающего синий цвет спектра), по следам которых ходил и наш НИИ. Пока был жив. Да он ли один?..

«Мы нанесли тяжелейший экономический нокаут своей стране! – сокрушался отдавший, по сути, всю свою жизнь советской науке Жорес Иванович Алферов. – То же самое, если бы сегодня США кто-нибудь поделил на 15 независимых государств, они были бы в экономической депрессии, на порядок худшей, чем депрессия 1929 года. А это мы сделали со своей страной!..» Жорес Алферов был человек прямой и искренний. Наблюдать развал науки для ученого такого масштаба – пытка. Сопротивляться развалу – донкихотство. Но и не сопротивляться – низость. Алферов сражался. Пошел в политику. В администраторы. Его за это критиковали. Мог бы, конечно, и не ходить, но он пошел. Чтобы спасти науку. Найти выход. Увидеть свет в конце растянувшегося слишком надолго экономического туннеля. А что-то, но свет Жорес Иванович Алферов умел обнаруживать и создавать там, где о нем уже и переставали думать...

Астрофизик Матвей Бронштейн

Считается, что XX век подарил науке двух великих титанов: Бора и Эйнштейна. Первый «рассекретил» квантовый мир, второй – звездный. Один в поисках истины яростно вгрызался вглубь материи, отыскивая мельчайшие ее осколки, другой отчаянно взмывал до самых безбрежных ее границ, тесня познанием всегалактические масштабы. Оба совершили революции в мозгах, рассказав каждый по чудовищно фантастической и вместе с тем правдивой истории: Бор и сотоварищи поведали квантовую механику, Эйнштейн – сочиненную практически в одиночку общую теорию относительности, то бишь сагу о гравитации.

Первая повесть – о сущностях во Вселенной самых что ни на есть мельчайших. Вторая – о необъятнейших материях, какие только есть. Обе истории покорили мир и триумфально подтвердились на практике. Каждая улеглась в фундаменте мироздания. Утвердилась в точках научного отсчета. Обозначилась маяком в безбрежном мире идей. Стала неувядающим мемориалом своим великим ваятелям. Обе теории прослыли чем угодно, только не тем, чем они должны были бы по идее стать: родственными по существу, единоутробными по мировоззрению, неразрывными по силе притяжения неопровержимых идей.

Так в истории научных озарений обнаружился своеобразный вакуум. А именно: между отчаянно нестыкующимися квантами Бора и гравитацией Эйнштейна. Первые отлично ладили с себе подобными в наимикроскопических масштабах, где царствовали принцип неопределенности, вероятностные характеристики каждой из элементарных частиц, и все вокруг было зернисто и прерывно (квантовалось) вплоть до силовых полей, но ни в какую не уживались в масштабах вселенских, где бал правили гравитация и искривленное им по эйнштейновским лекалам пространство-время. Как это всё хозяйство разбить на кванты (и пустоту пространства, и вездесущность времени) и воссоединить, наконец, две великие теории – квантовую и гравитационную – никто толком понять не мог.

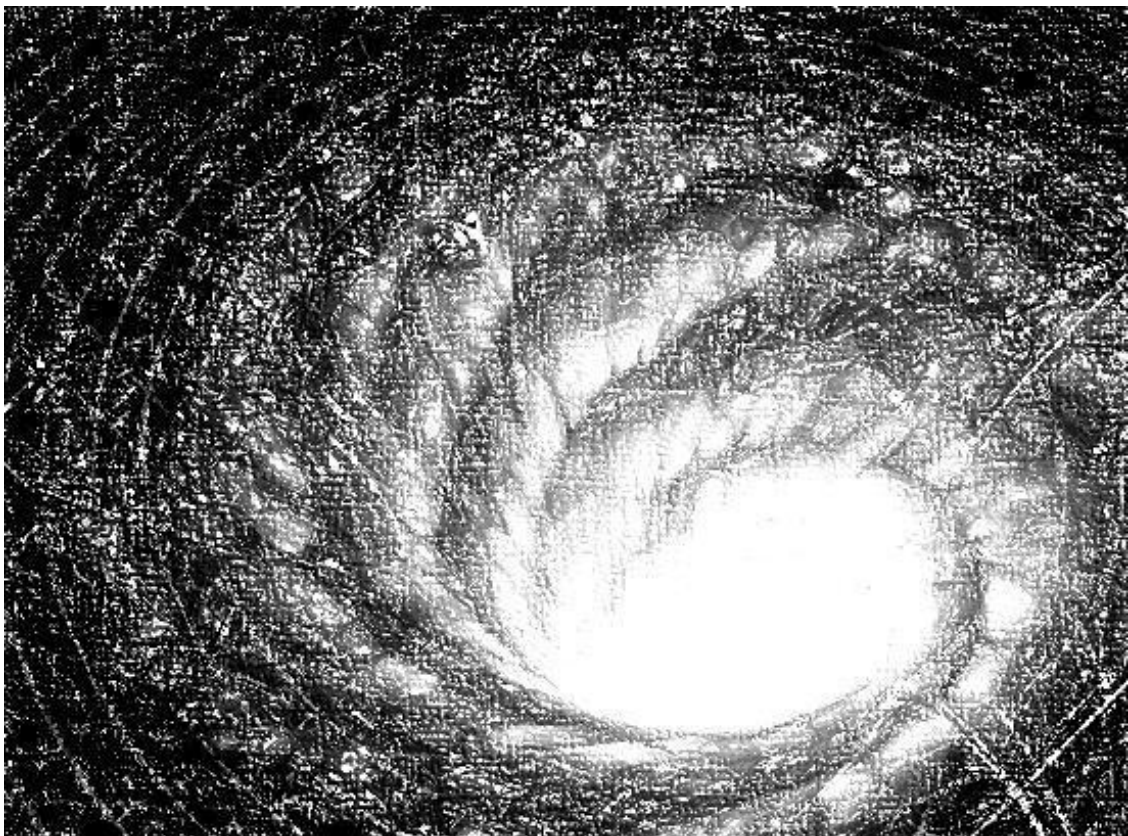
Требовался, видимо, третий великий ум, еще один титан XX века, сопоставимый по интеллектуальной мощи с двумя первыми – Бором и Эйнштейном. Задача перед ним стояла не из простых: в принципе изменить концепцию толкования таких привычных, казалось бы, и обыденных с виду понятий, как «пространство», «время», «гравитация». Попытаться заглянуть, что у каждого внутри. Из чего они сложены. Достучаться до самых малых строительных их кирпичиков – составных частей. Короче – создать ни больше ни меньше «теорию мира как целого».

Именно с таким подзаголовком в начале 30-х годов выходит одна из блестящих статей молодого и очень талантливого ленинградского физика Матвея Бронштейна. Пожалуй, эпитет в этом месте должен быть использован куда более сильный – гениального физика, варившегося в середине 20-х годов в соку Ленинградского университета, в компании грядущих звезд мировой физики – Гамова, Иваненко, Ландау (будущего Нобелевского лауреата). Современники утверждали, что в блестящей четверке самым перспективным всё-таки считался Матвей.

Из интеллигентной еврейской семьи, страшный книголюб, жадный до знаний, с потрясающей памятью на всевозможные математические формулы и разнообразные иностранные языки, эрудит, феномен, самоучка – из домашней библиотеки, без школ и гимназий шагнул сразу в университет. Да еще – с запасом уже опубликованных в европейских журналах статей по квантовой физике. Со студенческой скамьи – в ЛФТИ к великому «папе Иоффе». Кван-

товая физика, физика полупроводников, ядерная, пространственно-временные искривления Эйнштейна, «инвентаризация» одна за другой открываемых элементарных частиц, плюс – еще одна физика, только уже не для взрослых. А именно – написание научно-популярных книг для детей. Причем на столь же высоком профессиональном уровне, как и для их родителей.

В 29 лет выход Матвея на штурм главной научной вершины – квантовой гравитации. Ноябрь 1935 года – защита им в ЛФТИ первой в мире докторской диссертации на соответствующую тему. В числе оппонентов – будущий Нобелевский лауреат Игорь Тамм. Резюме: очень убедительно. Дерзкая попытка никому пока неизвестного ленинградского гения встать между Бором и Эйнштейном и соединить их теории в одну оказалась не столь уж самонадеянной и безнадежной.

Гравитация вполне может быть уложена в прокрустово ложе квантовой теории поля, если, конечно, не паниковать раньше времени о почти невозможности проверить истинность нарождающегося объединительного учения на практике. Просто – в силу фантастической малости тех квантовых сущностей, что могут «вылупиться» из предпринимаемых попыток разбить пространство и с ним же время заодно на минимально возможные кусочки – кванты того самого пространства-времени. Или – кванты гравитации. Что, как продемонстрировали последующие научные изыскания, в принципе одно и то же.

Молодой ленинградский физик поставил эту самую физику перед выбором: либо, как он писал в одной из своих работ, «отказаться от обычных представлений о пространстве и времени и заменить их какими-то гораздо более глубокими и лишенными наглядности понятиями», либо продолжать одновременно восседать на расставленных далеко друг от друга двух стульях (квантовой теории поля и ОТО – общей теорией относительности), рискуя каждую минуту провалиться неизвестно куда. Проблема требовала решения, и в 1935 году Матвей Бронштейн ринулся на его поиски.

Оговоримся сразу – они не закончены и по сей день. Хотя продвижение – колоссальное. Только упоминание двух столбовых дорог в этом направлении – теории суперструн и петлевой квантовой гравитации – может проиллюстрировать гигантские интеллектуальные усилия, предпринятые человечеством в этом направлении. Но все они уже были сделаны без участия основоположника объединительного учения – гениального советского физика Матвея Бронштейна.

В 31 год от роду его убили. В Ленинградской тюрьме НКВД. Согласно расстрельному списку от 3 февраля 1938 года, утвержденному Сталиным, Ворошиловым, Молотовым и Кагановичем. Не помогли ни обращения тестя ученого – Корнея Чуковского, ни мольбы друга семьи – Самуила Маршака, ни отчаянные письма наверх верного товарища по научным изысканиям Льва Ландау. Машина репрессий в одном человеке уничтожила, по сути, Вселенную. Её певца и одновременно композитора. Архитектора и зодчего. Инока и святителя. Уничтожила целый мир. И даже больше – любимого человека, страшная боль об утрате которого у жены ученого, Лидии Чуковской, осталась навсегда:

«Куда они бросили тело твоё? В люк?

Где расстреливали? В подвале?

Слышал ли ты звук

Выстрела? Нет, едва ли.

Выстрел в затылок милосерд:

Вдребезги память.

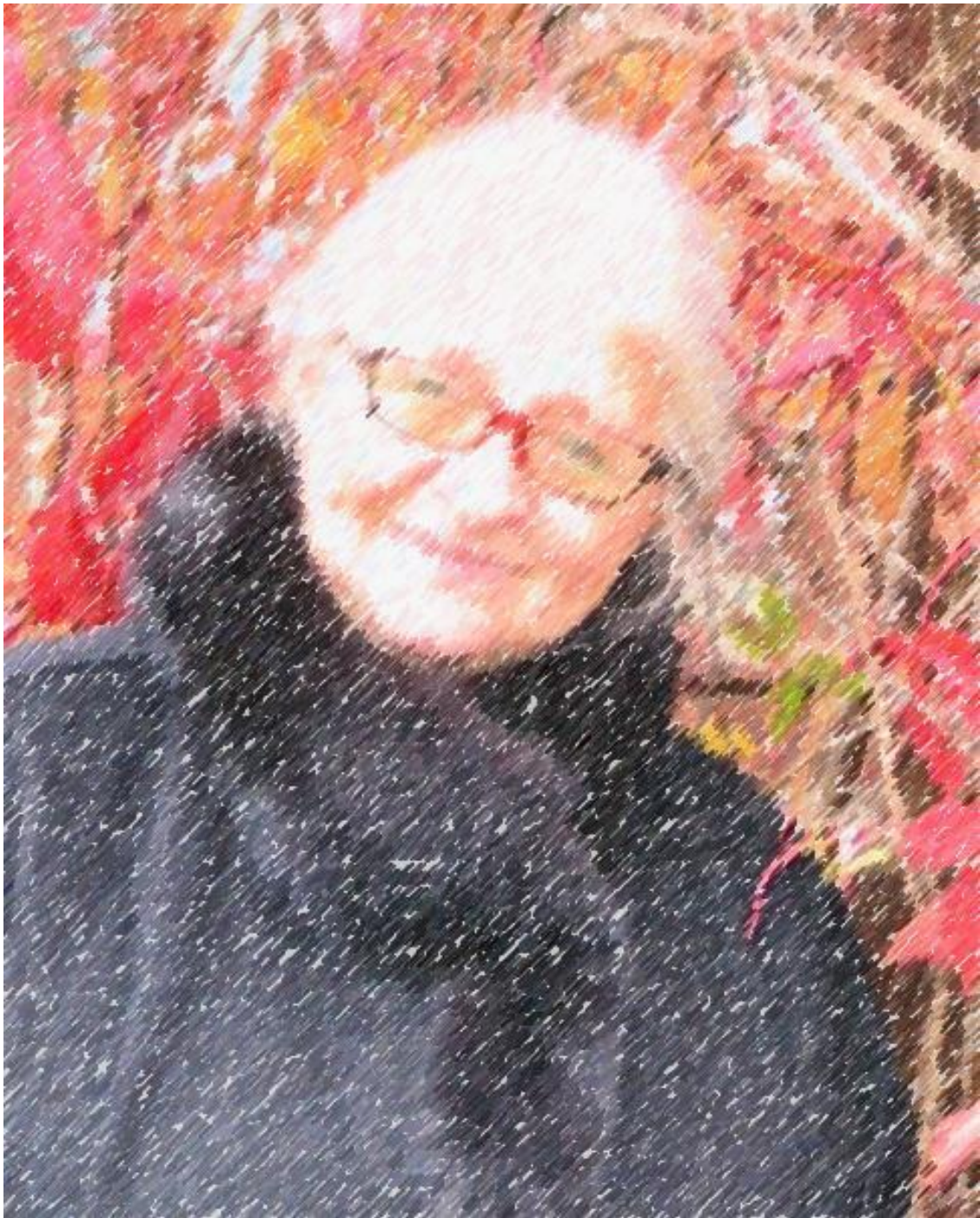
Вспомнил ли ты тот рассвет?

Нет. Торопился падать».

Гигантская, необъятная Вселенная и всего лишь один в ней человек: маленький, крошечный, песчинка... А стоят ровень. И будут стоять. И не получится отнять их друг у друга...

Музеолог и искусствовед Наталья Грамолина

Колыбелью космонавтики калужский край стал позже. А сначала сделал миру совсем другой подарок – идеальный российский пейзаж, перенесенный на холст выдающимся русским живописцем Василием Дмитриевичем Поленовым. Именно калужские просторы, увиденные с беховского холма над Окой послужили в свое время прототипом ключевого живописного образа среднерусской природы. И если искать колыбель российского пейзажа, то, скорее всего, именно здесь – в Поленово, Бехово, по ту и другую стороны Оки, хотя и отделившей тульскую землю от калужской (или соединившую их – это уж как смотреть), но вместе с тем впитавшей в себя всю живописность России. Сегодня над колыбелью российского пейзажа нависла серьезная угроза. Имя ей – карьерные самосвалы. И экскаваторы – тоже. Битву с ними вот уже много лет к ряду ведет директор музея-заповедника В.Д.Поленова Наталья Николаевна ГРАМОЛИНА.

– Музей Поленова – удивительный музей. Его нельзя назвать музеем Тульской области, нельзя назвать музеем Калужской области. Это – сама Россия. Существование этого музея предопределяет единение. Единение регионов, единение людей, но также и единение проблем, и единение решений этих проблем.

В чем смысл? Да, музей Поленова территориально на тульском берегу. Вид, открывающийся от церкви Святой Троицы на калужский берег – это знаковый пейзаж России. И вот этот знаковый пейзаж с 60-х годов портится существованием на том берегу песчаных карьеров. По всем документам, эти карьеры были закрыты еще в 1968 году. Тогда было принято соответствующее постановление Министерством нерудной промышленности СССР.

– И до сих пор не выполнено? Впору сорокалетний юбилей документу справлять.

– Я понимаю: наверное, там очень дешевая песчано-гравийная смесь. Наверное, она очень хороша для строительства. Но скажите: если бы мы положили на весы с одной стороны песчано-гравийную смесь, а с другой – такое понятие, как культура нации, или, я не знаю, – красоту – то, наверное, по тяжести перевесит песчано-гравийная смесь. Но в духе эти вещи сравнивать нельзя. Мы обязаны сохранить этот пейзаж. Я благодарна губернатору Калужской области Артамонову, с которым встречалась, с которым мы нашли общий язык, за то, что он распоряжением своим их закрыл. Так вот, дали распоряжение закрыть карьеры, однако лицензии на их разработку были выданы заранее. Хотя все знают, что вокруг Поленово – охранные зоны. В том числе – и за Окой, на калужском берегу. Знают и тем не менее лицензии выдают.

– А кто хозяин земли напротив Поленово?

– По 131-му закону о местном самоуправлении – муниципалитет. В данном случае – тарусский. И результат: кто бы что ни делал, какие бы указания ни отдавал, а карьеры работают.

– И сегодня работают?

– И сегодня. Отсюда от музея не видно, а от Бехово – как на ладони: копают. Когда вы выходите на паперть, на кладбище, смотрите окрест и видите... ну, ужас просто. Экскаваторы, самосвалы...

Я все понимаю. Что, в принципе, это нужно: песок, гравий, стройка и т.д. Но нужно также и выполнить постановление Совета министров. Нужно юридически закрепить эту землю за заповедником. Я же не утащу ее на тульский берег. Я полагаю, что вместе с деловыми людьми Калуги мы можем совершенно спокойно найти оптимальное решение для сохранения этой земли и использования ее в интересах всего народа. И уже сейчас с тарусскими бизнесменами мы приходим к совершенно четкому пониманию того, что такую красоту надо сохранить. Пусть там будут туристические тропы. Пусть будут экологические деревни, да мало ли что. Но только не надо загаживать этот пейзаж – вот и все наше желание. Этот пейзаж может работать. И приносить, если кому это интересно, какие-то деньги. Для этого его не обязательно копать. Мы уже устали твердить об этом. Смотрите, переписка по калужскому берегу – четыре толстенных тома. И толку? Воз и ныне там.

– Никто, стало быть, не захотел взвалить на себя славу спасителя поленовского заповедника? А всего-то для этого нужно одно волевое решение.

– Именно так. Мало того: нужно сказать, что в нашем государстве не хватает ума сделать культуру приоритетом в политике. Это избавило бы нас от многих напастей. Давайте сделаем культуру региональной политикой. В Калуге, господа, какие возможности! Давайте тут же и начнем. Потом организуемся и сделаем это вместе с Тулой.

– В смысле – вместе с Поленово?

– Это величайший заповедник. И сейчас на него наступают москвичи.

– Каким образом? Земли скупают?

– Ну, конечно. 100 километров от Москвы – и почему бы нас не взять? Почему все не застроить и не сорвать, я извиняюсь, с этого "бабки"?

– И в охранной зоне строят?

– Нет, ну что вы. В охранную я их не пушу. Но вокруг обступили со всех сторон. Натуральная блокада. Хорошо – я держусь пока. А что будет дальше? Никто же не вечен. И пока я могу, я хочу сделать ситуацию достаточно серьезной. Я – собака на государевом дворе. Единственное, что я делаю – берегу для государства государево. Вот и все. Мне завещано беречь этот пейзаж, меня назвали мемориальным заповедником, вот я и дерусь. Мне лично от этого ничего не надо. Кроме того, чтобы был пейзаж. Чтобы вы приехали через много лет сюда со своими внуками, и внук сказал: дедушка, красота-то какая!

– Пожалуй... Знаете, когда я сказал жене и детям, что собираюсь в командировку в Поленово, так они даже слегка надулись: мол, почему нас с собой не берешь?

– Да? Вот это лучшее, что вы мне сказали. Считайте, что я от этого выздоровлю. А то бегаешь тут с воспалением легких...

– Но мы разорваны. Добраться до Поленово из Тарусы... Да проще, наверное, российско-китайскую границу перейти. Никому ничего не надо. Никто ничего не знает. Хоть скидывай рубаху и кидайся вплавать...

– Так вот с этого и надо начинать. Разорванность – она от равнодушия. А я хочу поставить дебаркадер, а я хочу держать катерок. И чтобы не какой-то частник возил, который то ли хочет, то ли нет, а чтобы были обязательные рейсы. У меня ведь еще государство в голове. Почему заповедник один, а берега от друга оторваны. Да как можно? Вон, напротив Кузмищево. А там мужики не работают. Так пусть работают у меня. Всяк захочет переехать на лодочке до Тарусы. И обратно. И это две соседние губернии. А что о России говорить тогда?

– Наталья Николаевна, сколько лет вы в Поленово?

– Уже 37 лет. Я вышла замуж за Федора Дмитриевича Поленова – внука художника. Приехала сюда и сначала работала научным сотрудником. Когда Федор Дмитриевич попал в Верховный Совет – это был 1990 год – я стала директором музея. И вот уже 16 лет я директор. Поэтому проблемы провинциальных музеев не то что глубоко знаю – они мои личные проблемы. В каком бы городе я ни была и с каким бы музеем ни знакомилась.

Поленово стало моей судьбой, потому что это очень хорошо сделанное место – от начала до конца. Когда мне совсем плохо, я вспоминаю, как Поленов делал этот дом. Ему было около пятидесяти. Ему было плохо. Его мучили головные боли. Он собирался ехать лечиться в Крым. Но увидел однажды очень красивые места на Оке. И решил тут поселиться. И когда спускался на лодке с Константином Коровиным от Алексина к Серпухову, то нашел вот этот голый песчаный косогор. Так вот – человеку под пятьдесят. Когда нам кажется, что жизнь фактически кончена. А он приходит на голый косогор и начинает строить усадьбу. Причем в состоянии восторга. Какого-то упоения и творческого экстаза, если хотите.

Он строит совершенно новое – для себя, для земли. Он строит новый мир, новую страну. И вот получилось Поленово. Первоначально эта усадьба называлась Борок, то есть маленький бор. Все строил сам, по своим чертежам, по своим проектам. И деревья посадил сам. Мы вот сейчас ходим по парку, весь парк – его произведение. Теперь вы представляете, что может сделать человек в 50 лет? Он прекрасно знал, что не увидит деревья большими. Но он знал, что будут дети, внуки, правнуки. И они увидят их большими. И вот этот урок, когда все можно начать с нуля, в любом возрасте, не отнимая ни у кого чужие углы, сделав свой уголок, который будет гораздо интересней, и люди будут говорить о тебе, как о создателе – это очень полезный урок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.